

глава четвертая

*черный
всадник*

Сиэтл, шт. Вашингтон

июль 1952 - март 1955

Сэр Гавейн: «всадник?»

Принц Вэлиант: «Черный всадник? Кто это?»

Сэр Гавейн: «это призрак»

- из фильма принц Вэлиант

ДЖИМИ ХЕНДРИКСУ исполнилось десять в день благодарения в 1952 году. Несмотря на то, что Эл и Люсиль были в разводе, они продолжали некоторое время жить вместе, и Люсиль была на шестом месяце беременности. Эл позже также отрицал свое отцовство. Рожденный 14 февраля 1953 года малыш был назван Альфредом Хендриксом. Альфред был четвертым ребенком Элла и Люсиль, рожденным с инвалидностью, и вскоре после рождения он был отдан на усыновление.

Люсиль жила с Элом, когда у нее уже появился Альфред, но вскоре после его рождения, снова ушла. «Когда мама была дома, мы чувствовали запах бекона и блинов, готовящихся на завтрак», – вспоминал Леон, – «и с криком «Мама дома!» мы подскакивали. Но это мог быть последним днем, потому что они снова могли напиться и поругаться, и мама снова уходила». В это время Люсиль жила в комнатке своей матери Кларис, снимавшей ее над пивной *Райнер*. Леон и Джими тайком наблюдали за своей матерью, поэтому запах пива ассоциировался с их матерью. «Всегда, когда я чувствовал запах хмеля, я вспоминал о моей маме», – отмечал Леон.

Хотя их финансовое положение была совсем скверным, утяжеленное бесчисленными детьми после развода, у парней получалось манипулировать родителями. «Папа часто наказывал нас отправляя домой к матери, поэтому мы старались почаще провиниться», – вспоминал Леон. Эл наказывал поркой, шлепая ремнем. Если это не помогало, Эл отправлял их к Люсиль. «Отец собирал наши вещи с зубными щетками в сумочки», – вспоминал Леон. «Иногда я думал, что отец просто хотел избавиться от нас ненадолго. Он и правда много работал, но особо ничего не зарабатывал. Он наказывал нас, приговаривая, что мы проведем выходные с матерью, но мы только этого и хотели». Многократно план по отсылке ребят к матери не срабатывал, из-за того что Эл и Люсиль рикошетом отсылали друг от друга, и тогда разозленный Эл возвращался с ребятами домой. Чувствую себя брошенными матерью, ребята тайком пробирались к ее дому, потому если Эл ловил их то крепко бил. Эл редко бил их трезвым: «Иногда он был настолько пьян», – вспоминал Леон, «что забывал из-за чего бьет». Джими становился больше и тогда он начал сопротивляться избиениям, хватаясь за ремень и держа его, что Эл не мог им бить. Такой способ часто не срабатывал. «Мой отец был сильным», – говорил Леон. «Он держал нас одной рукой и бил другой».

В этот период Эл работал заправщиком во вторую смену на электростанции *Сиэтл Сити Лайт*. Выращивая детей самостоятельно, Элу было некому присмотреть за детьми после школы и он только получал частые звонки от озабоченных соседей, рискуя потерять работу. С Джими было больше проблем, чем с Леоном, однако большинство их проступков были менее незначительными, чем можно было ожидать от бесхозной молодежи. «Соседи начали принимать участие в нашем воспитании», – вспоминает Леон, «они знали, что чтобы они ни делали, социальная служба собиралась забрать нас». Работники социальной службы ездили на зеленых машинах, и Леон с Джими сразу же успокаивались как только видели одну из них. Они старались не прогуливать школу, чтобы спровоцировать местное

руководство. «Они не были плохими ребятами», – вспоминал сосед Мелвин Хардин. «Они были всего лишь дикими и без присмотра».

Эл писал в своей автобиографии, что он сам голодал, что бы прокормить мальчишек, но даже в этой ситуации есть было почти нечего. Дома было грязно, Эл не успевал или просто не хотел убираться и чистить одежду, что, по его мнению, должна была делать женщина. Вскоре у Эла появилась подруга, но она быстро ушла, когда поняла, что Элли нужна горничная. В результате мальчишки во время обеда крутились у соседей. «Обычно Джими и я были настолько голодны, что мы воровали в продуктовом магазине», – вспоминал Леон. «Джими был посообразительнее: он открывал упаковку с хлебом, брал пару ломтей и закупоривал упаковку, а ломтики прятал. Затем он прошмыгивал в мясной отдел и воровал там ломтики ветчины, и делал с ними бутерброды».

§

ВЕСНОЙ 1953 семье улыбнулась удача, так как Эл получил работу рабочего в городском муниципалитете. С более твердым заработком он приобрел маленький двухспальный домик под номером 2603 на *Соус Вашингтон Стрит*, за который внес 10 долларов первоначального взноса. Переезд вернул их на *Централ Дистрикт*, всего в нескольких кварталах от *Джексон Стрит*. Но, что самое важное для Джими и Леона – с переездом у них появился садик и их первый настоящий дом.

Сам домик был 900 квадратных футов (*прим. перевод.* припл. 84 кв.м.) и построен около 50 лет назад, но он был местом то что надо для мальчишек. Джими и Леон делили одну спальню, а вскоре после переезда, к ним присоединились племянница Элла со своим мужем Френком Хетчером. «Эл попросил нас пожить с ними, чтобы присматривать за детьми», – вспоминал Френк. «Он не мог это делать сам. Он много пил, играл в азартные игры, и большую часть времени даже не приходил домой». Фактически Хетчеры в этот период для ребят стали родителями, с появлением Грейс она стала одной из матерей для парней. Что касается их родной матери, то Люсиль навещала их только по случаю. Она переселялась из отеля в отель, где останавливалась по паре недель, что было в порядке вещей для нее.

Джими перешел в другую школу к концу апреля. Теперь он ходил в *Лёшо* – самую смешанную в городе. Здесь он познакомился с ребятами, которые стали для Джими самыми близкими друзьями детства: Терри Джонсон, Пернелл Александр и Джимми Вильямс. «Мы были, как одна семья» – вспоминал Пернелл. Воспитывала Пернела его бабушка – миссис Мая Джонс, которая сыграла большую роль в жизни всех друзей. «У нее мы всегда завтракали перед школой», – вспоминла Джими Вильямс. «Она до смерти любила нас с Джими».

Терри Джонсон был из большой семьи, состоящей из мальчиков и вырос в церкви. Джими иногда ходил с ним в *Грейс Методист Чёрч*, и это было первое место, где он слышал *госпел*. «Джими ходил со мной пару раз», – вспоминал Джонсон, «и, мне кажется, это был его первый опыт посещения церкви». Джими находил эту музыку заводной, и прослушивание мощного пения хора дало ему понимание силы живого выступления.

Ближайшим другом Джими был Джимми Вильямс, который был из семьи с тринадцатью детьми. Джимми и Джими стали неразлучны, вполне возможно, из-за

того, что оба были интровертами. Во избежании путаницы с именами в своей компании, они придумали клички: Джими был «Генри» (сокращенно от Хендрикс) или Бустер, Терри Джонсон «Террикинс» и Джимми Вильямс был «картофельными чипсами», благодаря своей любимой еде. Имя Пернелла не так сильно отличалось от других, поэтому кличка ему не понадобилась.

Когда в школе начались летние каникулы, то их развлечениями стали плавание на озере Вашингтон или походы на дешевые дневные представления в *Атлас Сиэта*, где Джими и полюбил сериал *Флеш Гордон*, а в особенности *Принс Валиант*. Главного злодея в *Принсе Валианте* звали Черным Всадником, и Джими и Леон сражались друг с другом венниками, воображая их мечами, споря, кто из них будет в роли подлого Черного Всадника. Когда в семье появилась собака, то щенка назвали Принцем, в честь Принца Валианта.

Тот же веник-меч служил воображаемой гитарой. Несмотря на то, что Джими до этого не выражал особого интереса к музыке, в 1953 году он стал следить за чартами и подыгрывать мелодиям, брэнча на венике, как на гитаре. «Мы всегда слушали «Хит парад – горячая десятка», – вспоминал Джимми Вильямс. Нам нравились эстрадные исполнители такие, как Френк Синатра, Нэт Кинг Коул и Пери Комо. Тогда Джими больше всего любил Дина Мартина.

Почти ежедневно после школы Джими слушал радио Элла и делал вид, что играет на венике. По своим соображениям Эл – веник предназначался исключительно для подметания – относился к такому поведению неодобрительно. «Он выкрутасничал с веником», – вспоминал Леон, «и если входил наш папа, то Джими сразу же начинал подметать. Эл, видя на кровати солому от веника, сразу начинал злиться».

Еще летом ребята работали на полях на юге от Сиэтла, собирая горох и клубнику. Эта работа предполагала ранний подъем, чтобы во время автобусом успеть на ферму. Эл поднимал их в 4 утра и они шли в булочную *Ванде Брэд*, где Джими знал одного из работников, который оставлял для них пончики, не съеденные утром. Они проходили по промышленной части Сиэтла и садились на автобус до фермы, чтобы проехать двадцать миль на юг от города. На ферме сборщикам платили сдельно, поэтому они работали пока, не получат достаточно что бы пообедать, или ели клубники сколько могли. Иногда они плавали в *Грин Рива*, где Джими как-то спас тонущего Леона. «Я свалился в канал, а Джими спас меня, бросившись за мной», – говорил Леон. Часто, возвращаясь с фермы ночью домой, ребята раскошеливались на гамбургеры из конины по 10 центов за штуку. «Мы брали два и это было самым приятным за целый день», – говорил Леон. «Затем мы приходили домой и ждали папу, однако он часто не приходил».

Через год Грэйс и Френк Флетчеры были сыты по горло выходками Элла. Когда они вместе въезжали в дом, Эл пообещал готовить раз в две недели, но он не следовал своему обещанию. «Он готовил только рис, фасоль и сардельки», – вспоминал Френк Хетчер. «Он покупал самое дешевое мясо: только куриные горла и конину». Устав от этого, Хетчеры съехали, и мальчики остались снова остались одни со своим отцом. Эл не доверял ребятам своих ключей, поэтому Джими, или один из его друзей, находили бар, в котором был Эл и брали у него ключи. «Было пять баров, в которые ходил Эл», – говорил Пернел Александр. «Надо было только найти в каком именно». *Бар Шеди Спот* на *Двадцать третьей* или *Бар Гора-Бейкер* на *Двадцать пятой* и *Джексон стрит* были любимыми Элла. В *Горе-Бейкер*

Джими мог высмотреть Эла в окно не входя внутрь. Много раз Джими и Леон не удавалось взять ключей и они ночевали у друзей.

§

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ продолжалась игра семьи в кошки мышки со службой социального обеспечения. К 1954 году продолжались постоянные жалобы от соседей, а социальные работники приходил еженедельно. То, что детей не забирала социальная служба, было временно и только благодаря Долорес Холл и Дороти Хардинг, которые регулярно приходили убирать в доме и следили, чтобы одежда ребят была чистой. Долорес вспоминала, как однажды вечером пришла, Элла не было дома и ребята готовили ужин самостоятельно: «Джими жарил яйца, и когда увидел меня, широко улыбнулся и сказал «Я готовлю ужин». Многие домашнее заботы легли на Джими, которому еще не было двенадцати, в том числе и забота о своем брате. «Джими был защитником Леона», – вспоминал Пернел Александр, «он делал что мог, чтобы обеспечить Леона заботой».

В конечном счете, социальная служба загнала Эла в угол, а забота тетушек не помогла скрыть то запущенное состояние, в котором жили Джими и Леон. Элу было предложено выбрать одно из двух: его сыновей забирают в детский дом или смириться с тем, что их усыновят. Несмотря на то, что они жили в отвратительных условиях, но все же другого у них больше ничего не было, и ребята умоляли Эла не разделять их. Эл принял решение, которое было легкой альтернативой предложенным: аргументировав, что Джими почти тинейджер, и требует меньшей заботы, а поэтому может остаться с Элом. Леон же, любимчик Эла, поедет в приют. Социальные работники одобрили такое предложение, но Леон должен поехать с ними сейчас же. «Не забирайте же его прямо сейчас», – взмолился Эл. «Я привезу его в приют завтра». Это был чуть ли ни единственный раз, когда ребята видели своего папу плачущим. Социальные работники сжалились, и дали Леону отсрочку на одну ночь.

Этой ночью все они думали, что это их последняя ночь втроем, Эл был непривычно ласков. В большинстве случаев их контакт ограничивался похлопыванием по спине или рукопожатие, однако, Эл, любил потирать кулаком по голове. У Элла были мозолистые пальцы и грубые руки от тяжелой физической работы ими, поэтому он считал, что лучше чесать кулаком – будет нежнее, чем это делать грубой ладонью. Это было крайне редким проявлением внимания, но Джими и Леон жили этими мгновениями внимания и нежность. После ухода работников социальной службы, Эл провел ночь с ребятами, почесывая таким образом их головы, как будто его грубые и переломанные руки действуют как мазь, утоляя эту боль его сыновей, и ту которую, им еще придется испытать.

Оба – Леон и Джими были совершенно разбиты, когда Эл взял Леона. Однако перемены оказались менее драматичнее, чем ожидалось. Леона разместили в приюте в шести кварталах, поэтому он и Джими продолжали гулять вместе. «Я все также мог играть с Джими у папы» – вспоминал Леон, «или Джими мог пойти со мной. Мы никогда не были порознь». Артур Вилер, воспитатель Леона, подтверждает это. «Джими всегда был рядом», – говорил Вилер. «Довольно часто он ел с нами».

У Артура и Урвил Вилер было своих шестеро, но их дом всегда был открыт для нуждающихся, иногда у них было по десять человек. Они были верующими и воспитывали всех детей по библии, в том числе и приемных, которых воспитывали, как своих. Фактически, Джими был их еще одним приемным ребенком. «Джими бывал у нас чаще, чем у отца», – вспоминал Дуг Вилер, один из сыновей Вилеров. «Много раз Джими ночевал у нас, чтобы позавтракать перед школой. Иначе, он мог остаться голодным». Для Джими и Леона было очень необычно, что на кухне у Вилеров было что поесть, а ваза с фруктами всегда изобиловала. Джими часто сетовал: «Я бы хотел здесь тоже жить». Что он, по сути, и делал.

На удивление, несмотря на свою тревожную жизнь, Джими не пропускал занятий в *Леши Элементар*. Он не был хорошим учеником, однако его оценки были нормальными, а также он проявлялся в искусстве. Как обыкновенный мальчишка, в своем блокноте он много рисовал на тему летающих тарелок и автомобильных гонок. Рисование автомобилей было ему настолько интересно, что он придумал несколько автомобильных дизайнов и отослал их автомобильной компании *Форд*. Этой осенью по наставлению Эла Джими пробовал себя американском футболе. Его тренером был Бус Гарднер, который через несколько десятилетий стал губернатором штата Вашингтон. «Он не был спортивным», – вспоминал Гарднер. «Он был недостаточно хорош для старта. По-правде говоря, он вообще не был хорошим игроком». Джими также был членом команды скаутом *16-й отряд Бой Скаутов*.

В 1955 году, когда ему было двенадцать, интерес Джими к музыке взял новый виток после того, как он Джимми Вильямса, поющего «*Wanted*» Пери Комоса на вечере талантов *Леши*. «Были бурные аплодисменты», – вспоминал Вильямс. «После выступления ко мне подошел Джими и сказал: «Классно! Ты станешь знаменитым. Ты будешь со мной дружить, когда станешь известным?» Джими наблюдал – возможно первое время – силу живых выступлений, как они преображают исполнителя, даже такого застенчивого Джимми Вильямса. Для Джими Хендрикса это было уроком, который был воспринят близко к сердцу.

§

МНОГО СЕМЕЙ из *Централ Дистрикт* Сиэтла рассказывали, что Джими регулярно у них кушал и ночевал. В этот период Джими проводил мало времени в доме отца и существовал благодаря добродушным людям сообществу афроамериканских американцев. Участие Вилеров и других семей в жизни Джими сложно переоценить. Эти люди в буквальном смысле помогли ему выжить.

Однако ни одна семья в эти годы не сделала для Джими больше, чем Хардинги. Тетушка Дурти, как он называл Дороти Хардинг, помогала с рождения, в младенчестве меняла ему пеленки, и вообще оберегала его все время. Джими называл Дороти Хардинг тетей, однако, она была большим, чем его родная мать и другие женщины в его жизни. Если Тетушка Дорти не видела Джими в течении какого времени, тогда она отправлялась к Эллу и ругалась с ним, что она делала постоянно, также она была единственной женщиной, критикуй которой воспринимал Эл.

Хардинг в одиночку воспитывала девятерых своих детей и для этого работала на двух работах. К 1955 году днем она работала клепальщицей на заводе Боинг, затем бежала домой, чтобы приготовить еду и накормить детей, и снова отправлялась на работу – убираться в доме богатой белой семьи. Семья Хардингов жила в трехкомнатной квартире на *Райнер Виста*, и на протяжении 25 лет они жили там, Дороти спала на диване в гостиной, отдав спальню детям. Несмотря на постоянные сложности, дети Дороти всегда были накормлены, чистыми и все вместе посещали по воскресеньям католическую церковь святого Эдварда. Много раз Джими ходил вместе с ними, и вроде как ему даже нравился этот ритуал, хотя бы потому, что это делало его частью одной семьи.

Старший сын Хардинг играл для Джими роль защитника во многих ситуациях. «Все знали, что его не следует трогать, потому что он с нами», – говорил Мелвин Хардинг. «Он не был драчуном. Он был тихий и был всегда готов улыбаться, его улыбка могла сразить любого». Джими был застенчивым и, даже, подавленным. «Он был чрезвычайно чувствителен», – отмечал Эбони Хардинг. «Он никогда не говорил, что ему не достает ни мамы ни папы, однако это было очевидно. Он часто плакал».

Это произошло однажды ночью из тех многих ночей с Хардингами, когда Джими высказал свое пророческое утверждение, высказанное каждому из них разными словами. «Он сказал мне», – говорила Дороти Хардинг, «я собираюсь уехать отсюда, и собираюсь уехать далеко. «Я стану богатым и знаменитым, и все мне будут завидовать». Он сказал, что собирается уехать из страны, чтобы никогда не вернуться. Я сказала, что он не может этого сделать и оставить меня здесь. Тогда он ответил: «Тетушка Дорти, я возьму тебя с собой». Дети только посмеялись над бахвальским заявлением Джими.

Другая пророческая истина возникла во время сказок на ночь, ее также подтверждают все дети Хардинг. Хотя Джими боготворил ребят Хардингов, один из членов семьи оказал на его будущее влияние больше остальных, это была Ширли. Будучи одной из самых старших девочек, она укладывала в кровать остальных братьев и сестер. Она каждого накрывала одеялом, гасила свет, и садилась в центре спальни. Отсюда она начинала свой рассказ, который оказывал на Джими очаровывающее действие. Она начинала рассказывать «выдумки», как называл их Джими и которые он очень любил.

Сказки на ночь всегда содержали трех героев: Бониту, Одри и Роя. Их имена никогда не менялись, хотя могли немного преобразовывались. «Они были как басни Эзопа», – вспоминала Эбони Хардинг. «В них всегда была мораль». Если с кем-то в этот день что-либо произошло, то Ширли рассказывала историю и все догадывались, кого она имеет в виду. Если кто-то провинился, то он мог найти себя в Боните, Одри или Рое с объяснением причин и следствий своей оплошности. Сказочный Рой частенько был прообразом Джими. При уборке квартиры Хардингов всегда было много работы и Джими доставалось подметать на кухне чаще, чем все остальным, поэтому в сказках появился «Рой подметальщик». Ширли придавала Рою, Боните и Одри различные достоинства и недостатки, однако ни один не был так любим, как в семье, так и у Джими, как герой сказки Рой, в который он становился большим гитаристом. Ширли рассказывала историю: «Рой стал богат и знаменит благодаря своей метле-гитаре». «Со всюду приезжали люди, чтобы послушать, как он играет. Он стал настолько знаменит, что везде разъезжал на

совсем черном Кадиллаке. Он был всегда счастлив. У него было много денег, но все продолжал самостоятельно убирать на кухне, подметать ее и мыть там пол». В этом месте сказки была мораль: даже будучи богатыми, мальчики должны не забывать мести пол. «Рой был богат и знаменит, со своим Кадиллаком», – продолжала она. «Он мог поехать в любое место на земле. Но Рой был не таким мальчиком, который куда-либо уезжал, он всегда возвращался на Кадиллаке домой. Он мог поехать на *Райн Виста*, сигналив гудком, а дети бежали за машиной и любили его». В этом месте истории Джими был уверен, что слушает про свое далекое будущее, которое ждет его, как вкуснейшие лакомство.